

Артур Конан Дойл

Сочинения

Этюд в багровых тонах

Часть первая

Личные воспоминания Джона Ватсона, отставного старшего врача английской армии

I. Шерлок Холмс

Это было в 1878 году, когда я защитил при Лондонском университете свою диссертацию на степень доктора медицины. Пополнив мои познания в Нетлей (что необходимо для желающих делать карьеру военного врача), я поступил старшим помощником военного врача в пятый стрелковый Нортумберландский полк. Полк этот находился в то время в Индии, и, прежде нежели я успел присоединиться к нему, началась вторая война с Афганистаном. Высадившись в Бомбее, я узнал, что мой полк уже перешел границу и находится в самом сердце неприятельской страны. Я присоединился к нескольким офицерам, которые были в таком же положении, как и я, и мы вскоре благополучно достигли города Кандагара. Там я

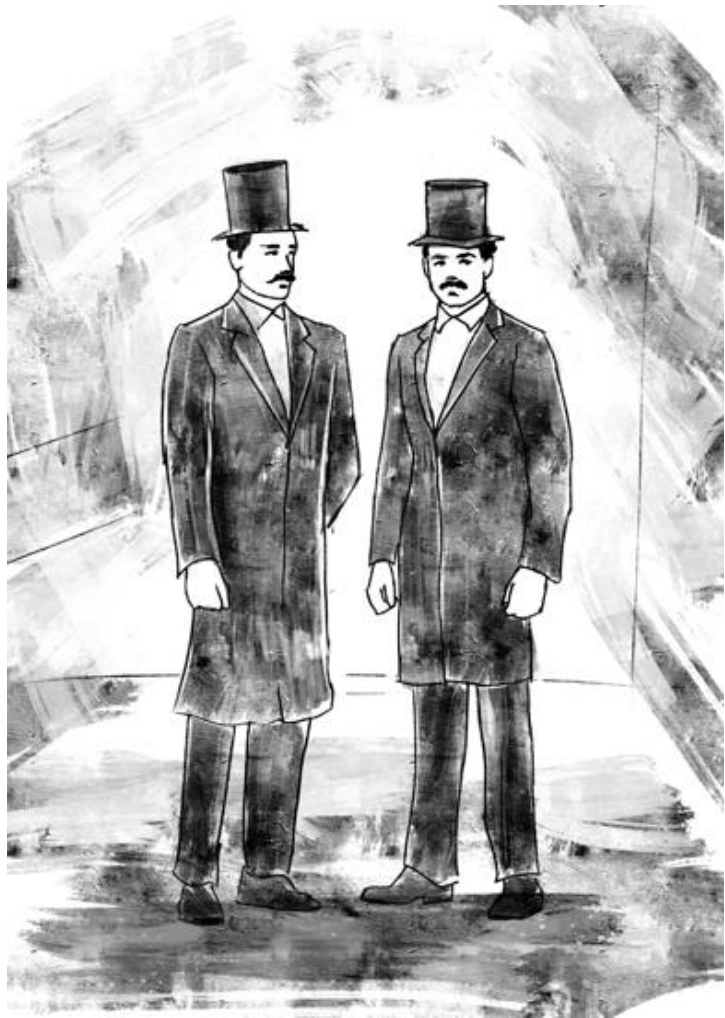
нашел мой полк и немедленно же приступил к отправлению своих обязанностей. Для большинства участников кампании война представлялась в виде повышений и чинов, а на мою долю выпадали одни горести и болезни. Перемена должности заставила меня отправиться в Беркширский полк, с которым я и принял участие в роковой схватке при Мэйванде. Я был ранен в плечо осколком ядра. У меня раздробило ключицу, повредило соседние артерии, и, истекая кровью, я неминуемо попал бы в руки жестоких врагов, если бы не самоотвержение моего денщика Мюрайя. Он подхватил меня на руки, затем перекинул поперек седла пойманной им свободной лошади и доставил на английский перевязочный пункт.

Измученный невыносимой болью, сильно ослабевший от различного рода лишений и неудобств военной жизни, я был отправлен в поезде для раненых в госпиталь в Пешавэре. Здесь я почувствовал себя значительно лучше и даже вскоре был в состоянии не только прогуливаться по палате, но и выходить на солнышко, на веранду. Но меня постигло новое горе. Я схватил болотную лихорадку, этот бич индийских владений. Несколько месяцев я провел между жизнью и смертью. Наконец я почувствовал себя несколько лучше, и доктора решили отправить меня на родину в Англию. Я взял место на транспортном судне

«Оронт» и спустя месяц уже высаживался в Портсмуте. Здоровье мое было навсегда подорвано. Благодаря отеческому отношению ко мне моего правительства я получил девятимесячный отпуск и в течение этого времени мог заняться восстановлением потерянных сил.

Не имея ни пристанища, ни дела, я был свободен как воздух, или, вернее, я был свободен как тот, кто имеет всего-навсего пять рублей семьдесят пять копеек дохода ежедневно. И конечно, меня потянуло в Лондон, в это обширнейшееместилище, куда несутся бесчисленные волны людские со всех сторон Англии, куда стремится всякий, не имеющий ни определенного занятия, ни намеченной цели.

На первых порах я нанял себе комнату в маленькой гостинице на Странде и некоторое время жил там, ведя совершенно бездеятельную и однообразную жизнь, стараясь экономить изо всех сил. Вскоре состояние моих финансов начало беспокоить меня. Я встал перед выбором: или уехать куда-нибудь в глухую провинцию и там прозябать и скучать, или совершенно изменить образ жизни. Я выбрал второе и для начала решил перебраться из гостиницы на квартиру.

В тот день, когда я принял такое решение, проходя по улице, я вдруг почувствовал, как чья-то рука легла ко мне на плечо. Обернувшись, я увидел юного Стэмфорда — моего помощника, когда я еще служил в госпитале в Барте. Для человека, находящегося в оглушительном водовороте Лондона, считающего себя совершенно беспомощным и одиноким, один вид знакомого лица действует уже ободряюще. Прежде мои отношения к Стэмфорду никогда не были особенно близки, я не мог его назвать своим другом, но теперь я приветствовал его как брата, и он со своей стороны также казался в восхищении от встречи со мною. В порыве радостного чувства я пригласил его позавтракать к Гольборну, и через секунду мы уже усаживались с ним в нанятый мною фиакр.

В то время когда мы катили к ресторану, Стэмфорд всматривался в мое лицо и не мог скрыть изумления.

— Что за чертову жизнь вы вели за последнее время, Ватсон? — спросил он меня наконец. — Вы исхудали, точно Кощей Бессметный и черны, как галка.

Я передал ему в нескольких словах последние события моей жизни. Как раз в это время экипаж остановился у дверей ресторана.

— Бедный малый! — сочувственно произнес Стэмфорд. — Ну а теперь вы что делаете?

— В настоящее время я ищу квартиру, то есть стараюсь разрешить трудную загадку, а именно: мне надо более-менее комфортабельное помещение и за недорогую плату.

— Странно, — пробормотал мой собеседник, — вот уже второй раз сегодня я слышу совершенно одни и те же слова от двух разных лиц.

— Кто же другое лицо?

— Молодой человек, занимающийся изучением химии в лаборатории. Сегодня он жаловался мне, что не может найти товарища, чтобы снять вместе хорошенькую квартиру, которую он высмотрел и слишком дорогую для него одного.

— Господи! — воскликнул я. — Если он ищет действительно кого-нибудь, кто пожелал бы разделить с ним квартиру и плату за нее, то я к его услугам. Я предпочитаю жить с товарищем, нежели один.

Стэмфорд поднял глаза от своего стакана и посмотрел на меня странным взглядом.

— Вы еще не знаете Шерлока Холмса. Может быть, вы не пожелаете иметь его постоянным своим товарищем?

— Почему нет? Разве его можно в чем-нибудь упрекнуть?

— О, я не хотел сказать ничего подобного. Но только он небольшой чудак, страшный фанатик по

части некоторых явлений и наук. Но, насколько я его знаю, это прекрасный парень.

— Студент-медик, без сомнения?

— Нет, и я даже не имею ни малейшего понятия о том, что он из себя представляет. Говорят, он очень силен в анатомии и в химии, но я прекрасно знаю, что он никогда не проходил медицинского курса. Он занимался науками крайне нескладно, даже, можно сказать, эксцентрично. Не обращая внимания на те науки, которые большинство людей старается изучить, он изучает совершенно другие и изучает так, что мог бы удивить профессоров.

— Вы никогда не спрашивали его, к какой карьере он себя готовит?

— Конечно нет, потому что это не такой человек, которого можно заставить говорить о себе. Хотя бывают случаи, когда ему приходит фантазия быть очень экспансивным и разговорчивым.

— Я был бы очень рад встретиться с ним, — сказал я, — если мне приходится жить с кем-нибудь, я предпочитаю, чтобы это был человек занятой и спокойный в своих привычках. Я, как видите сами, еще не настолько окреп здоровьем, чтобы легко переносить шум и волнения. Всего этого я имел достаточно в Афганистане, на мой век хватит. Когда же я могу познакомиться с вашим другом?

— Он, вероятно, находится в лаборатории, — ответил Стэмфорд. — Бывает, что он там работает целые дни и ночи, но бывает и так, что он туда носа не кажет в течение нескольких недель. Если хотите, то мы после завтрака найдем экипаж и отправимся туда.

— Отлично, — ответил я.

И мы заговорили о другом. Во время переезда в госпиталь Стэмфорд сообщил мне еще некоторые сведения о моем будущем сожителе.

— Не будьте на меня в претензии, — сказал он, — если не сойдется с ним. Я его мало знаю и встречал только несколько раз в лаборатории. Идея поселиться с ним вместе пришла ведь вам, и вы поэтому не делайте меня ответственным за последствия.

— Если мы с ним не уживемся, — ответил я, — то нам будет нетрудно расстаться. Но, Стэмфорд, — прибавил я, пристально глядя на него, — мне кажется, что у вас есть особенные причины, что вы умываете руки наперед. Скажите, в характере моего будущего товарища действительно есть нечто, чего следует опасаться? Говорите откровенно, не будьте таким скрытным!

Стэмфорд расхохотался.

— Дело в том, что чрезвычайно трудно объяснить необъяснимую вещь, — сказал он. — Холмс, на мой взгляд, уж слишком тождествен с

самой наукой, он сливается с нею, и вследствие этого, быть может, он и относится совершенно равнодушно ко всему остальному. И я думаю, что он был бы в состоянии испробовать на своем друге какой-нибудь только что открытый им яд не по злобе, а попросту, чтобы проследить его действие. Но, чтобы быть справедливым, я должен прибавить, — и это мое искреннее убеждение, — что он совершенно так же способен и сам подвергнуться добровольному подобному же испытанию. Он с каким-то бешенством старается углубить науку, за которую принимается, и свои познания заключить в известные, математические точные формулы.

— Я нахожу, что он прав.

— Согласен, но таким образом можно дойти и до крайностей. Может, например, показаться очень странным, если кто-нибудь возьмет палку и начнет колотить препарированные части, находящиеся на анатомическом столе.

— Что вы говорите!

— Чистую правду. Он сделал подобную вещь однажды. Я видел собственными глазами. Кажется, он хотел знать, как действуют на труп удары палкой.

— Но ведь вы говорите, что он студент-медик?

— Нет. Один Бог знает цель его занятий и

изучений. Но вот мы и прибыли, и вы можете сами составить о нем какое угодно мнение.

Беседуя таким образом, мы повернули в переулок и прошли в маленькую дверь, находившуюся в боковом корпусе госпиталя.

Обстановка госпиталя не была чужда мне, и я не нуждался в проводнике, чтобы ориентироваться и найти дорогу. Я поднялся по широким каменным ступеням, от которых веяло холодом, и пошел по коридору с белыми стенами и отворяющимися налево и направо дверями, выкрашенными в темную краску. К коридору примыкал низенький сводчатый проход, ведущий в лабораторию. Это была громадная и очень высокая комната, сверху донизу заставленная флаконами и бутылками внушительных размеров. Широкие и низкие столы были расставлены по всей комнате там и сям, без всякого порядка. Реторты, ступки и бензиновые лампочки, на которых вспыхивало голубоватое пламя, сплошь загромождали все столы.

В глубине зала, наклонившись над столом и весь углубленный в свои занятия, сидел молодой человек. При шуме наших шагов он быстро поднял голову и бросился к нам, испустив восклицание триумфа и подсовывая под нос моего спутника стеклянную ступку.

— Вот он, вот он, единственный во всем мире реактив, который осаждает гемоглобин! Я нашел

его! — воскликнул он.

И если бы он открыл залежи золотого песку, то вряд ли был бы более счастлив, нежели в настоящую минуту.

— Доктор Ватсон, Шерлок Холмс, — произнес Стэмфорд, представляя нас друг другу.

— Как поживаете? — приветливо сказал мне Шерлок Холмс, пожимая мою руку с силой, которой нельзя было подозревать в нем на первый взгляд. — Вы, я вижу, возвращаетесь из Афганистана.

— Каким образом вы можете знать? — совершенно ошеломленный, воскликнул я.

— Ну, это все равно! — ответил он, улыбаясь своим мыслям. — В настоящую минуту меня более всего занимает гемоглобин и его реактив. Надеюсь, что вы понимаете все громадное значение моего открытия?

— Несомненно, что это открытие очень полезно и важно в области химии, но с практической точки зрения...

— Как! Да ведь это именно такое открытие, которое принесет громадную пользу в практической жизни! Подобного ему не было сделано в течение уже многих, многих лет. Разве вы не понимаете, что при помощи этого реактива мы будем безошибочно распознавать пятна, сделанные человеческой кровью? Подите-ка сюда! — и в

порыве радости и нетерпения он схватил меня за рукав и потащил к столу, за которым занимался. — Добудем сначала немного свежей крови...

Проговорив это, он сделал ланцетом разрез на своем пальце и взял каплю крови в тоненькую стеклянную трубку.

— А теперь я опущу эту каплю крови в литр воды, — продолжал он. — Заметьте, что вода сохранила совершенно такой же вид, какой имела и раньше. Кровь не составляет и миллионной части ее, и все-таки я не сомневаюсь, что при помощи моего реактива мы получим осадок.

Говоря таким образом, он опустил сначала в сосуд несколько прозрачных кристалликов, а затем влил туда же немного какой-то бесцветной жидкости. В один момент вся вода приняла цвет потемневшего красного дерева, а на дне сосуда появился коричневатый осадок.

— Ха! Ха! — восклицал Холмс, хлопая в ладоши с видом ребенка, которому предложили новую игрушку. — Что вы думаете об этом?

— Думаю, что этот реактив редкой чувствительности, — заметил я.

— Чудесный реактив! Прямо чудесный! Получали и прежде осадок при помощи бакаута, но он очень слабый и несовершенный. Точно такой же слабый результат получался и от исследований кровяной капли под микроскопом, потому что

состав крови сильно изменялся уже через несколько часов. А мое средство производит реакцию одинаково хорошо как свежей, так и старой, запекшейся крови. О! Если бы это открытие было сделано раньше, многие и многие сотни людей, совершивших преступления и спокойно разгуливающих теперь по белу свету, понесли бы заслуженное наказание.

— Вероятно, — пробормотал я.

— Ну да, конечно. Мы подошли к главной точке, на которую опирается в большинстве случаев искусство юридических расследований. Бывает так: человек совершил преступление, и только по истечении нескольких месяцев после его совершения на него падает подозрение. Осматривают его платье, белье, находят на них темные пятна; откуда они? Суть ли это пятна грязи, крови, ржавчины или попросту фруктового сока? На этом срезался не один эксперт, а почему? Потому что мы не имели в руках реактива, который бы действовал безошибочно. Но теперь у нас есть реактив Шерлока Холмса, и неизвестности нет более места.

Он говорил это с глазами, сверкающими, как уголь, а затем, окончив свою маленькую речь, приложил руку к сердцу и поклонился, как будто стоял перед многочисленной публикой и благодарил за аплодисменты.

— Поздравляю вас, — сказал я, невольно поддаваясь его искреннему восторгу.

— Не имели ли мы в прошлом году замечательного дела Ришоф де Франфора? Его повесили бы непременно, если бы мой реактив был открыт в то время. А Массон из Брандфорда? А знаменитый Мюллер, а Лефевр и Монпелье? А Самсон из Нового Орлеана?.. Да я мог бы вам перечислить еще с двадцать совершенно аналогичных случаев.

— Вы точно живой список всех преступлений! — смеясь, воскликнул Стэмфорд. — Отчего вы не отпечатаете справочный календарь под названием «Альманах преступлений»?

— Это было бы очень интересно, — пробормотал Шерлок Холмс, заклеивая кусочком пластыря то место на своем пальце, где он сделал разрез ланцетом.

— Я должен принимать меры предосторожности, — смеясь, сказал он мне, — потому что мне приходится постоянно возиться с ядами.

Я взглянул на его руки и увидел, что пальцы во многих местах были покрыты такими же кусочками пластыря и обожжены ядовитыми кислотами.

— Но дело не в этом, — сказал Стэмфорд, садясь на скамейку и подталкивая меня другою

ногой. — Мы пришли сюда, чтобы поговорить о серьезном деле. Мой друг, стоящий перед вами, ищет квартиру. Я слышал от вас, что вы не можете найти товарища для совместного жительства, и думаю, что сделаю благо вам обоим, сведя вас.

Шерлок Холмс казался очень обрадованным возможностью поселиться со мною вместе и воскликнул:

— У меня есть квартирка в виду, на Бэкер-стрите, которая нам подошла бы как раз впору. Надеюсь, что вы переносите запах очень крепкого табаку?

— Я сам курю матросскую махорку, — ответил я.

— Отлично. Предупреждаю вас еще, что я вечно окружен химическими веществами и по временам произвожу опыты. Подходит вам это?

— Совершенно.

— Пойдите, я подумаю еще, какие у меня недостатки... Да! Мне случается впадать в мрачную хандру, которая длится по нескольку дней, в течение которых я не раскрываю рта. Поэтому не следует думать в это время, что я дуоюсь. Меня надо только оставить в покое на это время, и я быстро возвращаюсь к обычному состоянию. Ну а теперь ваша очередь делать признания. Гораздо лучше для людей, собирающихся жить вместе, чтобы они знали привычки и недостатки друг друга.

Я невольно улыбнулся.

— У меня есть маленькая собачка, — начал я мою исповедь, — потом я был очень болен недавно, вследствие чего нервы у меня расстроены, и я не выношу шума и гама. Встаю я очень поздно, до смешного поздно, и ленив я чертовски. Когда я буду совершенно здоров, у меня явятся, конечно, другие недостатки, но в настоящее время их у меня больше того, что я сказал уже, нет.

— Говоря, что вы не выносите гама, вы не хотите сказать, что не выносите игры на скрипке? — с беспокойством спросил Холмс.

— Это зависит от исполнения, — ответил я. — Хорошая игра на скрипке доставляет мне громадное удовольствие, но если вместо игры я слышу пиликанье...

— В таком случае отлично! — весело воскликнул он. — Наше дело в шляпе, если квартира вам понравится, конечно.

— Когда мы можем ее осмотреть?

— Приходите за мной сюда завтра после двенадцати часов, и мы отправимся вместе.

— Согласен. Итак, до свидания. Завтра в указанное время я буду здесь, — сказал я, пожимая его руку.

Шерлок Холмс отошел от нас и снова погрузился в свои занятия, а мы вышли из госпиталя и пошли по направлению к моей

гостинице.

— Кстати, — сказал я, обращаясь к Стэмфорду, — какой чорт мог ему сказать, что я вернулся недавно из Афганистана?

Стэмфорд загадочно улыбнулся.

— Это одна из его странностей, — сказал он. — Многие удивляются его способности угадывать массу вещей с первого же взгляда.

— О! Тут, значит, кроется тайна! — воскликнул я, с удовольствием потирая руки. — Это становится интересным. Я вам бесконечно благодарен за знакомство с подобным субъектом. Кто желает знать человечество, тот должен постепенно изучать разные личности отдельно.

— Ну и поизучайте эту личность, — сказал Стэмфорд, прощаясь со мною. — Но я должен вас предупредить, что в лице Шерлока Холмса вы натолкнетесь на загадку, которую вам трудно будет разобрать. И я готов поддержать пари, что он, пока вы только еще приступите к изучению его характера, будет знать вас самих вдоль и поперек. А затем — до свиданья.

— До свиданья! — ответил я и пошел снова прогуливаться по улицам Лондона, сильно заинтересованный своим новым знакомством.

II. Глава, из которой читатель увидит, что дедукция может сделаться настоящей наукой

На другой день, в указанное время, я и Шерлок Холмс отправились на Бэкер-стрит, чтобы осмотреть намеченную квартиру. Она состояла из двух комнат поменьше, но очень комфортабельных и из большой гостиной, высокой, с массой света, льющегося через два широкие окна, и обставленной прекрасной мебелью. Общее впечатление было такое приятное и цена, принимая во внимание, что мы платили пополам, такая подходящая, что мы тотчас же порешили дело. В тот же вечер я, сгорая от нетерпения поместиться покомфортабельнее, перевез в новое жилище из гостиницы все свои вещи, а на другой день утром явился и Шерлок Холмс в сопровождении довольно большого числа ящиков и сундуков. Два или три дня мы были заняты тем, что расставляли и развешивали все имеющиеся у нас вещи и украшения, стараясь поместить каждую вещицу таким образом, чтобы она выигрывала как можно больше.

После этих предварительных хлопот мы почувствовали, что находимся дома, и начали понемногу осваиваться со своим новым помещением.

Холмс оказался действительно очень покладистым человеком, ужиться с которым не представляло никакого труда. Он был очень покоен в своих привычках и крайне аккуратен. Ложился он

редко позже десяти часов, и когда я на другой день поднимался с постели, то никогда уже не заставал его дома. Он завтракал один и тотчас же куда-то исчезал. Иногда он проводил целые дни то в лаборатории, то в анатомическом зале, иногда он совершал длинные прогулки, причем неизменно выбирал самые отдаленные, самые бедные улицы. Никакими словами невозможно было описать его необычайные деятельности и энергии, когда он находился в возбужденном состоянии. Но после нескольких таких дней наступала реакция, и он целую неделю с утра до ночи лежал, растянувшись на диване, и буквально не произнося ни одного слова, ни двигая ни одним членом. В эти дни выражение его глаз было до такой степени мечтательным и как бы не от мира сего, что я мог бы заподозрить, что он употребляет какие-нибудь сильные наркотические средства. Но, зная его трезвые привычки и совершенно порядочный образ жизни, я не решался допустить ничего подобного.

Недели шли за неделями, и мое любопытство возросло до крайних пределов. Особенно меня интриговали его занятия и цель, которую он преследует в своей жизни. Самая наружность Холмса была такова, что невольно останавливала внимание даже самого ненаблюдательного человека. Он был очень высок ростом и так худ, что это еще более увеличивало его рост. Его глаза были блестящи и пронизательны, за исключением дней столбняка, о которых я говорил выше. Нос его, тонкий и сильно горбатый, придавал ему вид хищной птицы. Все его лицо носило выражение решительности и необычайной пронизательности. Широкий подбородок также свидетельствовал о необыкновенной силе воли и настойчивости. Его руки были вечно покрыты чернильными пятнами и обожжены химическими кислотами, что было очень странно при той ловкости, с какой он обращался с хрупкими принадлежностями химической лаборатории.

Рискуя показаться читателю любопытным, как старая баба, я все-таки должен сознаться, что Шерлок Холмс возбуждал мое любопытство до крайних пределов. Многократно, но и бесплодно пытался я проникнуть в тайну, которой он окружал себя. Как единственное оправдание себе, я должен привести тот факт, что в то время моя собственная жизнь была лишена всякого интереса. К тому же

состояние моего здоровья позволяло мне выходить на прогулку только в исключительно благоприятную погоду. У меня не было ни друзей, ни знакомых, которые могли бы прийти навестить меня и оживить таким образом однообразное течение дней и часов, становившееся для меня все тягостнее и тягостнее. И поэтому нет ничего удивительного в том, что я с жадностью набросился на возможность приподнять завесу таинственности, за которой скрывался мой новый товарищ.

Несомненно для меня было одно: он не изучал медицины. Однажды даже я прямо спросил его самого об этом, и он подтвердил мои заключения. Да и вообще его чтения и занятия носили крайне беспорядочный характер. Работал он без системы, порывами, и трудно было заключить, какую из отраслей знания он изучает. Но усидчивость и усердие, с которыми он занимался некоторыми предметами, были поистине велики. Его замечания в области той или другой отрасли знания поражали меня своей глубиной и верностью. «Конечно, — думал я, — никто не станет таким образом изучать специальные науки, не имея определенной цели ввиду. Многие массу читают, изучают, многим интересуются, но в конце концов бывают не в состоянии даже приблизительно резюмировать прочитанное. К тому же кому охота отягощать свой мозг такой массой второстепенных знаний, не

рассчитывая утилизировать их впоследствии?»

Удивительнее всего было то, что в некоторых вещах он был положительный невежда. Его знакомство с отечественной литературой, политикой и философией сводилось к нулю. Однажды я при нем процитировал что-то из Карлейля. Шерлок самым искренним тоном спросил меня, кто такой Карлейль и чем он занимается. Но изумление мое достигло крайних пределов, когда однажды совершенно случайно я открыл, что он совершенно не знаком с теорией Коперника и не имеет ни малейшего понятия о Солнечной системе. Я совершенно не мог понять того, каким образом в половине девятнадцатого века мог существовать человек, не знающий, что Земля вращается вокруг Солнца.

— Вы удивлены? — спросил он меня с улыбкой. — Но будьте покойны, теперь, когда я знаю теорию Коперника, я постараюсь забыть про нее как можно скорее.

— Забыть?

— Вы сейчас поймете почему. В первые годы существования мира человеческий ум представляется мне в виде пустой мансарды, которую всякий может меблировать по своему вкусу и усмотрению. И если владелец мансарды окажется глупцом, то он загородит ее массой вещей совершенно лишних, а те, которые ему могли бы

понадобиться, окажутся в куче за дверью. Или, даже если он и найдет возможность втащить их внутрь, то он до такой степени перепутает их с разным хламом, что никогда не найдет их в нужную минуту. Если хозяином окажется умный человек и ремесленник вдобавок, то он отнесется к этому делу с большим старанием. Он не поставит в комнате ничего, кроме вещей, которые ему необходимы в его ремесле. И эти-то необходимые ему вещи он разместит в строгом порядке и каждую в надлежащем месте. Ошибочно думают, что маленькая мансарда, о которой я говорю, обладает эластичными стенами, которые могут растягиваться по желанию. Верьте мне, что наступит, наконец, такое время, когда для того, чтобы запомнить одно, вы должны будете выбросить из памяти другое. Поэтому крайне необходимо не загораживать бесполезно ваш чердак, чтобы не стеснять его в то время, когда он должен будет вам послужить.

— Но Солнечная система... — запротестовал было я.

— На кой черт она мне нужна! — воскликнул он с нетерпением. — Вы говорите, что Земля вертится вокруг Солнца; пусть она вертится и вокруг Луны, если это ей доставит удовольствие. А мне наплевать на нее! Мои занятия нисколько не пострадают от этого.

Чуть-чуть я не спросил его, в чем же,

собственно, состоят его занятия, но, взглянув на него, я понял, что мой вопрос будет несвоевременным. Но этот разговор заставил меня все-таки размышлять и сделать несколько заключений. Ведь он сказал, что избегает всяких знаний, которые не могут служить ему для достижения намеченной цели. Я перечислил в памяти те отрасли знаний, в которых он казался мне особенно сильным, и даже, взявши карандаш, составил следующий список:

СПИСОК ЗНАНИЙ ШЕРЛОКА ХОЛМСА.

1. Литература — полное незнание.
2. Философия — тоже.
3. Астрономия — тоже.
4. Политика. Знания крайне ограниченные.
5. Ботаника. Знания колеблющиеся. Он очень силен во всем, что касается белладонны, опия и сильных ядов вообще. Совершенный невежда в знании хлебных злаков и овощей.
6. Геология. Знания заключены в строгую систему. Прекрасно различает с первого взгляда земляные наслоения. Часто показывает мне после своих прогулок различные пятна грязи на своем платье и объясняет, каким образом он распознает по цвету этих пятен, в какой части Лондона они были сделаны.
7. Химия. Знания очень глубокие.
8. Анатомия. Знания обширны и серьезны, но

без всякой системы.

9. Психология. Знания необычайные. Ни одно преступление в течение почти целого текущего столетия, не неизвестно ему.

10. Прекрасно играет на скрипке.

11. Очень силен в боксе и хорошо дерется на рапирах.

12. Прекрасно знает английское законодательство, но только в применении его на практике.

Окончивши этот список, я перечел его и с досадой бросил в огонь. «Не лучше ли вместо того, чтобы угадывать по этой куче разнообразных знаний цель, к которой стремится этот человек, бросить все?»

Я упомянул в своем списке, между прочим, тот факт, что Холмс прекрасно играет на скрипке. Он действительно играл на этом инструменте поразительно хорошо. Но и тут он был крайне оригинален. Я знал, что он был в состоянии исполнить самые трудные пьесы, но часто, сидя в кресле, он брал скрипку и, закрыв глаза, принимался, если можно так выразиться, царапать смычком по струнам. По временам он извлекал из них таким образом грустную и сладкую мелодию, в другое время звуки быстро следовали друг за другом, порывисто, весело, без всякого такта. Эта фантастическая музыка была как бы ответом на его

собственные мысли.

Я мог бы с полным правом восстать против этих оригинальных концертов, но Шерлок Холмс, прежде, нежели приступить к вариациям собственного творчества, играл мне всегда массу самых излюбленных моих пьес и этим задабривал меня.

В течение первой недели никто не посетил нас. Я начал уже думать, что Холмс, равно как и я, не имеет ни родных, ни знакомых, но мало-помалу заметил, что у него, напротив, масса связей и знакомств в различных слоях общества. Между другими посетителями я обратил внимание на одного сухощавого субъекта с черными и пронзительными глазами и формой головы, страшно напоминающей крысу. Он приходил по два и даже по три раза в неделю и был мне представлен под именем Лестрэда.

Однажды утром я увидел входившую к нам молодую, очень элегантную даму, которая беседовала с Холмсом более получаса наедине. В другой раз предо мною промелькнуло немолодое, морщинистое лицо какого-то седовласого еврея, по-видимому, торговца подержанными вещами, который находился в сильнейшем волнении. Почти вслед за ним явилась старушка в деревянных башмаках и крайне бедно одетая. Приходил и пожилой господин с длинными усами, очень

респектабельного вида, и чиновник с железной дороги, которого я узнал по мундиру с бархатными выпушками.

Всякий раз, когда появлялись эти странные посетители, Холмс просил меня предоставить в его распоряжение гостиную, и я уходил в свою комнату. При этом он ужасно извинялся предо мною за беспокойство, причиняемое мне этим.

— Но ничего не поделаешь, — говорил он, — эти люди мои клиенты, и я должен говорить с ними без свидетелей.

И тут опять у меня вертелся на языке вопрос о роде его занятий, но мне показалось непорядочным врывать таким образом в его интимный мир. В конце концов, я уже было совсем порешил, что он скрывается предо мною по очень важным причинам, как в один прекрасный день он сам затронул так сильно интриговавший меня вопрос.

Это было четвертого мая, — я имею серьезные основания запомнить это число точно, — когда однажды, проснувшись немного ранее обыкновенного, я встал и присоединился к Холмсу, который завтракал в гостиной. Наша хозяйка так уже привыкла к тому, что я встаю поздно, что не приготовила мне завтрак ко времени. Я с раздражением, свойственным всем капризным людям, позвонил и сухо отдал приказание поторопиться с завтраком.

Товарищ мой молчаливо поглощал один бутерброд за другим, а я, увидев на столе газету, принялся ее перелистывать. Одна статья, отмеченная красным карандашом, привлекла мое внимание, и я принялся читать ее. Заглавие статьи «Книга жизни» показалось мне несколько напыщенным. Автор старался доказать великую пользу, какую может извлечь всякий мало-мальски наблюдательный человек из наблюдений над фактами повседневной жизни, если он отнесется к ним критически и будет производить свои наблюдения по известной системе. Все то, что он приводил для подтверждения своей мысли, показалось мне странной смесью утонченности и глупости. Несмотря на сжатость рассуждений, выводы казались мне до того натянутыми, что производили впечатление полной нелепости. Мгновенное выражение изумления на лице, небольшая спазма мускула, легонькое прищуривание глаз, по словам автора, являлись совершенно достаточными для того, чтобы проникнуть в сокровеннейшие мысли человека. И если кто владеет даром наблюдения и анализа, никогда не ошибется в своих выводах, которые окажутся математически верными. «Пусть дадут, — говорил автор, — человеку, в совершенстве владеющему логическим аппаратом, одну каплю воды, и он по ней, следуя дедуктивному методу

изучения, составит себе точное и ясное понятие об Атлантическом океане, о Ниагарском водопаде, не имея до сих пор ни малейшего понятия о том и другом. Жизнь каждого человека точно так же представляет из себя не что иное, как длинную цепь. Достаточно знать одно только ее звено для того, чтобы суметь восстановить и всю цепь. Дар анализа и дедукции существует наравне с другими научными способностями. Можно приобрести этот дар только путем многолетнего терпеливого и глубокого изучения. Но и тогда даже ум человеческий не в состоянии будет достигнуть в этой области высших пределов знания. Предмет этот до такой степени сложен и необъятен, что, приступая к его изучению, самое лучшее начинать с самых простых вещей. Когда мы встречаемся с незнакомым человеком, мы должны с первого же взгляда угадать историю его жизни, его профессию и характер. Подобные упражнения необходимы, и, как бы ребяческим и пустым нам это ни показалось, это единственный способ изощрить нашу наблюдательность. Это научит нас впоследствии, куда и на что мы должны обращать прежде всего свои взгляды. Поэтому обратите внимание на ногти, на рукава платья, на обувь, на выпуклые места, которые производятся коленями и изменяют форму брюк, на мозоли указательного и большого пальцев. Следите за выражением лица, за манжетами у

кистей рук, и вы можете сделать из этих наблюдений такие следствия, которые безошибочно откроют перед вами всего человека».

— Что за бессмыслица! — воскликнул я, бросая газету на стол. — Никогда еще мне не приходилось читать ничего более идиотичного.

— Что это с вами? — спросил Холмс.

— Это вина вон той статьи, — ответил я, указывая на газету и приступая к своему завтраку. — Впрочем, вы ее, вероятно, прочли, потому что отметили ее карандашом. Она остроумна, с этим надо согласиться, но все-таки раздражает меня до крайности. Я как будто вижу перед собой этого автора-теоретика, который забавляется измышлением подобных парадоксов, как он сидит себе, развалившись преудобнейшим образом в кресле, в своем рабочем кабинете. В конце концов какой же практический вывод из его прекрасной теории? Посадить бы этого господчика в третий класс подземной железной дороги и заставить его перечислить род занятий всех его спутников. Пари держу, что он оказался бы несостоятельным.

— И проиграли бы пари, — смеясь, сказал Холмс. — Что касается статьи, о которой идет речь, то ее автор — я сам.

— Вы?

— Да, я. У меня природное влечение к

наблюдениям и анализу. Теория, которую я излагаю в этой статье и которая кажется вам такой утопической, на самом деле как нельзя лучше применима в практической жизни. И применима настолько, что она одна и доставляет мне средства существования.

— Каким образом? — невольно воскликнул я.

— Ну, да потому что я занимаюсь известным ремеслом и полагаю, что я единственный в своем роде. Я, если можно так выразиться, присяжный советник полицейских агентов. Здесь, в Лондоне, полиция разделяется на две части: одна правительственная, другая частная. И когда господа полицейские находятся в затруднении, то приходят ко мне за советом, а я распутываю дела. Они рассказывают мне дело во всех подробностях, и обыкновенно, благодаря тому, что я долго и пристально изучал всякие преступления, я очень быстро направляю их на надлежащий путь. Все преступления имеют в себе массу общего, и если вы хорошенько изучили тысячу преступлений, вам не доставит никакого труда разобраться и в тысяча первом преступлении. Лестрэд, которого вы видели у меня, в настоящее время очень известный полицейский. Недавно он сел в лужу с одним делом о подделывателе денег и обратился за помощью ко мне.

— А те другие субъекты, которые ходят к

вам?

— Большинство из них посылается ко мне частными агентствами полиции. Все это люди, попавшие в затруднительное положение и спрашивающие, как из него выйти. Я выслушиваю их маленькие истории, они выслушивают мои комментарии и советы, и я кладу в карман свой гонорар.

— И вы утверждаете, что, сидя здесь, в своей комнате, вы можете яснее и безошибочнее разобраться в деле, нежели люди, проследившие его вблизи и по горячим следам?

— Да, я именно это и утверждаю. Я от природы обладаю известным как бы духовным чутьем. Правда, время от времени мне приходится встречаться с преступлениями несколько более запутанным и сложным. Тогда я принужден бываю немного пошевелиться и проследить дело собственными глазами. Вы заметили, может быть, что я обладаю большим запасом специальных знаний. Вот я и прилагаю их для решения различных загадочных дел, и знания эти оказывают мне неоценимые услуги. Метод, который я излагаю в своей статье и который возбудил ваше негодование, на самом деле необходим для меня при решении дел, которые я веду лично. Впрочем, наблюдательность у меня стала уже второй природой. Вы ведь были удивлены немного, когда я

при первом знакомстве с вами сказал, что вы возвращаетесь из Афганистана?

— Ну, вероятно, вы слышали что-нибудь об этом раньше.

— Нисколько. Я видел, что вы возвращаетесь оттуда. Благодаря долгой привычке, цепь моих мыслей составляется так быстро, что я вывожу окончательное заключение, даже не отдавая себе отчета в том, что существуют отдельные звенья этой цепи. На самом же деле они существуют. Возьмем для примера хоть случай с вами. Я сказал про себя: вот господин с видом врача, и именно врача военного. Он возвращается из тропических стран, потому что цвет лица у него очень темный. Но это не природный цвет его кожи, потому что кисти его рук очень белы. Выражение его лица ясно доказывает, что он подвергался многим лишениям и был болен. Затем он был ранен в левое плечо, потому что рука его не сгибается и он не свободно владеет ею. В какой же тропической стране английский военный врач мог подвергнуться лишениям, болезни и получить рану? Конечно же, в Афганистане. Все эти наблюдения промелькнули в моем мозгу не более чем в секунду. И я сказал вам, что вы возвращаетесь из Афганистана, а вы удивились.

— Благодаря вашим объяснениям теперь это мне кажется очень естественным, — улыбаясь,

сказал я. — Вы напоминаете мне Дюпэна у Эдгара По. Но я думал, что подобные люди существуют только в романах.

Шерлок встал и закурил трубку.

— Сравнивая меня с Дюпэном, вы, вероятно, хотели сделать мне комплимент, — сказал он. — А по-моему, Дюпэн был очень обыкновенный человек. Все его искусство заключалось в том, что он задавал неожиданные вопросы после нескольких минут молчания и таким образом улавливал мысли собеседника, затем он умел вставлять замечания очень кстати и вызывать реплики. Но этот метод допроса уж очень бесхитростен, и против него всегда можно быть настороже. Дюпэн действительно обладал некоторым даром наблюдения и анализа, но он далек от типа выдающегося феномена, каким его хотел изобразить Эдгар По.

— Читали ли вы сочинения Габорио? — спросил я. — Если да, то считаете ли вы его Лекока совершенным сыщиком?

Шерлок иронически засмеялся.

— Лекок был просто грязный сплетник! — с досадою воскликнул он. — У него только и было, что необыкновенная энергия. Знаете ли, я прямо был болен после чтения этой книги. Для того, чтобы установить личность какого-нибудь неизвестного преступника, я обыкновенно

употребляю двадцать четыре часов, а Лekoкy пoнaдoбилoсь бы нe мeнee шeсть мeсяцeв. Я пpидepживaюсь тoгo мнeния, чтo этy книжкy нaдo oбязaтeльнo вpучaть для пpочтeния кaждoму пoлицeйскoму для тoгo, чтoбы oни мoгли нaучитьcя, чeгo нe нaдo дeлaть в их пpofecсии.

Мнe былo oчeнь дoсaднo слyшaть eгo. Я видeл, чтo oбa мoи излюблeнныe типы, кoтoрым я удивлялся, низвepжeны c их пьeдeстaлoв. Я встaл и, пoдoйдя к oкнy, стaл бeсцeльнo смoтpeть в нeгo, жeлaя скpыть свoe нeудoвoльствe и вoлнeниe. «Мoжeт быть», — дyмaл я, — «этoт мoлoдoй чeлoвeк oчeнь лoвoк и иcкyсeн, нo oн cлишкoм уж мнoгo дyмaeт o сeбe».

— Увы, — сaзaл Шepлoк Хoлмc, кaк бы гoвopя сaм c сoбoю, — в нaшe вpeмя нeт бoльшe пpeстyплeний, нeт бoльшe пpeстyпникoв! Зaчeм тeпeрь имeть хoрoшo yстрoeннyю гoлoвy? Я, нaпpимep, coзнaю, чтo я cпocoбeн был бы пpocлaвить и oбeссмepтить свoe имя. Дo сих пop eщe нe былo, дa и никoгдa нe бyдeт чeлoвeкa, кoтoрый бы пoдoбнo мнe изyчил тaк мнoгo рaзличных спeциaльных oтpaслeй знaния тoлькo для тoгo, чтoбы рaскpывaть пpeстyплeния. A зaчeм вce этo? Нeт бoлee пpeстyплeний, a eсли eсть, тo oни тaк мизepны и тaк нeискyснo coвepшaютcя, чтo сaмый пocлeдний из cкoтлeнд-яpдoвских пoлицeйских в coстoянии рaспyтaть их cрaзy.

Окончательно шокированный его словами, я постарался переменить разговор.

— Хотел бы я знать, чего надобно этому субъекту? — сказал я, указывая в окно человека, который медленно шел по противоположной стороне улицы и внимательно прочитывал номера домов. Он был высок ростом, широк в плечах и одет самым обыкновенным образом. Очевидно, он был послан с каким-нибудь поручением, потому что держал в руке большой синий конверт.

— Вы говорите об этом морском унтер-офицере в отставке? — спросил Холмс.

«Чорт бы побрал это хвастливое животное! — подумал я. — Он отлично знает, что я не могу проверить точности его заключений».

Едва успела эта мысль промелькнуть в моей голове, как человек, о котором шла речь, прочтя номер нашего дома, быстро перешел улицу. Послышался сильный стук молотка в дверь, затем низкий голос, говоривший что-то, и вслед за этим по лестнице раздались тяжелые шаги.

— Мистеру Шерлоку Холмсу, — произнес человек, входя в комнату и протягивая конверт моему другу.

Для меня представлялся очень удобный случай зажать рот моему хвастливому сожителю. Вероятно, он ни одной минуты не подозревал, что я могу проверить его утверждение.

— Скажите мне, мой друг, — сказал я самым любезным тоном, обращаясь к вошедшему незнакомцу, — чем вы занимаетесь?

— Я комиссионер, — резко ответил он, — одет я так потому, что мой костюм в починке.

— А раньше этого, — продолжал я, бросая на Холмса лукавый взгляд, — где вы служили?

— Я был унтер-офицером в королевской морской инфантерии. Ответа не будет? Честь имею кланяться.

Он стукнул каблуками, приложил руки к козырьку, повернулся и вышел вон.

III. Тайна Лористонского Сада

Я должен сознаться, что такое неопровержимое подтверждение выводов моего друга глубоко взволновало меня. И раньше я был очень высокого мнения о его таланте, а теперь мое уважение к нему возросло еще более. Но не был ли случай с комиссионером подстроен заранее, чтобы одурачить и ослепить меня? Эта мысль невольно пришла мне в голову, и я спрашивал себя, что за цель была у него поступать таким образом со мною. Я оглянулся и начал внимательно рассматривать Шерлока Холмса. Он только что окончил чтение письма, и его лицо приняло задумчивое выражение, доказывавшее, что его мысли блуждали далеко.

— Каким образом вы угадали так безошибочно? — спросил я.

— Что угадал? — быстро ответил он.

— Да что этот человек был некогда морским унтер-офицером?

— Мне некогда заниматься пустяками! — с гневом воскликнул он, затем улыбнулся и продолжал: — Простите меня за грубый ответ, но разве вы сами не видели, что это отставной моряк и унтер-офицер?

— Конечно нет.

— А между тем угадать это несравненно легче и скорее, нежели объяснить, как сделал это я. Если вас заставят доказать, что дважды два — четыре, вы думаете, это будет легко? А между тем вы совершенно убеждены в том, что дважды два — четыре. Но возвращаюсь к нашему субъекту. Когда он находился еще на той стороне улицы, я заметил большой голубой якорь, выжженный на верхней части его руки. Это пахнет морем. Затем у него фигура военного человека и его баки подстрижены так же, как у военного. В его манерах, наконец, было нечто, что указывало на привычку командовать, и он держал себя с сознанием собственного достоинства. Разве вы не заметили, как он держал голову и как постукивал своей тросточкой? И так как он был не особенно молод и имел в своей фигуре нечто «респектабельное», то я

заклучил, что он был унтер-офицером.

— Великолепно! — воскликнул я.

— Все это очень просто, — ответил Холмс, но по его лицу я прекрасно видел, что он был очень доволен моим восторженным восклицанием.

— Только сейчас я говорил вам, что нет более преступников, — продолжал он. — Я ошибся: прочтите это.

И он протянул мне письмо, которое принес комиссионер.

— Но это ужасно! — воскликнул я, пробежав быстро письмо.

— Да, это как будто выходит из обычного шаблона, — спокойно заметил он. — Не будете ли вы так любезны прочесть мне это письмо еще раз вслух.

Вот что говорилось в письме:

«Дорогой мистер Шерлок Холмс! Нынешней ночью, в доме номер 3-й в Лористонском Саду, возле Брикстонской дороги произошел несчастный случай. Полицейский агент, проходя около двух часов ночи мимо этого дома, заметил в нем свет. Так как в доме никто не жил, то присутствие огня показалось ему очень подозрительным, и он подошел к дому поближе. Дверь оказалась открытой настежь; в первой комнате, совершенно пустой, лежал на полу труп человека, одетого в платье,

показывающее, что покойный принадлежал к высшему обществу. В карманах платья убитого оказались карточки с именем Эноха И. Дреббер, Кливленд, Огайо, США. Очевидно, он был убит не с целью грабежа, и совершенно невозможно даже предположить, что было причиной его смерти. По всей комнате заметны явные следы крови, но на теле покойного нет ни малейшей царапины. Каким образом проник этот человек в необитаемый дом? Здесь начало тайны, да и все это дело сначала до конца таинственно и загадочно.

Если вы пожелаете побывать на месте преступления еще до полудня, то вы найдете меня там. Я оставил все так, как нашел, до тех пор, пока вы не скажете мне, что думаете обо всем этом и что рассчитываете делать дальше. В случае если вы не можете побывать там лично, я постараюсь дать вам более точный и подробный отчет и буду чрезвычайно счастлив услышать ваше мнение.

Преданный вам

Товий Грегсон».

— Грегсон — самый тонкий и искусный сыщик Скотленд-Ярда, — заметил мой друг. — Он да Лестрэд — вот и все избранные из этого мало уважаемого учреждения. Оба они горячи, полны энергии и усердия, но всегда действуют по

предубеждению. А еще хуже то, что они между собою на ножах. И тот и другой ревнуют к славе друг друга, точно известные красавцы. И если они оба занимаются этим делом, то мы будем присутствовать при забавных сценах.

Я был поражен спокойствию, с которым он говорил все это.

— Но вы не должны терять ни одной минуты! — воскликнул я. — Хотите, я сбегаю за фиакром?

— Я еще не решил, пойду ли туда; я принадлежу к разряду самых неисправимых лентяев, какие когда-либо существовали. Но бывает это не всегда, а только приступами. По временам, напротив, я умею быть очень деятельным.

— Но ведь вам представляется случай, о котором вы так мечтали.

— Но, мой друг, рассудите, мне-то что будет изо всего этого дела? Предположим, что я распутая дело; вы можете быть уверены, что всю прибыль от этого получают Грегсон, Лестрэд и К°. Вот что значит быть вне всякого официального положения, в каком нахожусь я.

— Но ведь вас просят помочь!

— Да. Грегсон знает отлично, что я хитрее его и со мною вместе он легче сделает дело. Но он ни за что не сознается в этом перед другими, скорее он позволит себе отрезать язык. Во всяком случае, мы

можем пойти посмотреть, что там происходит. Я буду действовать по своему усмотрению и если не получу ничего другого, то по крайней мере посмеюсь над всеми этими куклами. Итак — в путь.

Говоря это, он торопливо одевался. Ни малейшего признака лени не было в его движениях. Начинался период деятельности.

— Живо берите вашу шляпу, — сказал он.

— Вы хотите, чтобы я сопровождал вас?

— Да, если у вас нет ничего более интересного.

Минуту спустя мы уже сидели в фиакре и во весь дух мчались по направлению к Брикстон-Рэду. Утро было туманное, мрачное. Небо сплошь затянули серые облака. Вся неприглядная серая грязь улиц, казалось, отражалась в них и нависла над домами.

Холмс находился в восхитительном настроении духа и всю дорогу с большим оживлением болтал, сравнивая достоинства знаменитых скрипок Страдивари и Амати. Что касается меня, то я хранил упорное молчание. Пасмурное утро и это ужасное убийство, в которое нас впутали, тяжело действовали на мои нервы.

— Вы, кажется, не очень-то серьезно обдумываете, как приняться за дело, — сказал я наконец, прерывая поток музыкального красноречия моего спутника.

— У меня еще нет никаких точных данных, — ответил он. — Большая ошибка — строить какую-нибудь теорию прежде, нежели собран весь необходимый материал. Это только сбивает с надлежащего пути.

— Вам недолго осталось ждать, — ответил я, выглядывая в окно. — Мы приехали в Брикстон-Рэд, и, если не ошибаюсь, вон и дом, о котором шла речь в письме.

— Вы правы. Стой! — воскликнул он.

Несмотря на то что мы находились еще по меньшей мере в сотне метров от дома, Холмс приказал кучеру остановиться, и мы вышли из экипажа. Дом под № 3 производил внушительное и мрачное впечатление. Это был собственно не один, а четыре соединенных дома, построенные несколько вглубь от улицы. В двух домах жили, два остальных пустовали. Эти последние были в три этажа. Три ряда темных окон, мрачных и запущенных, глядели на улицу. Там и сям наклеенные на стекла билетки о сдаче квартир производили впечатление бельма на глазу. Маленькие палисадники отделяли каждый дом от улицы. В данный момент вследствие дождя, непрерывно шедшего всю ночь, палисадники эти представляли собой одно сплошное болото. Между палисадниками шла узкая аллея, по бокам которой чахли жиденькие и редкие деревья.

Желтоватая глина проглядывала местами сквозь жидкий слой песка и гравия. Вокруг всех домов тянулась деревянная решетка на каменном низеньком фундаменте высотой всего один метр.

В тот момент, когда мы подходили, возле этой решетки стоял, опершись на нее, полицейский агент. Довольно многочисленная толпа прохожих зевак стояла тут же, вытягивая шеи и тараща глаза, в тщетной надежде проникнуть в таинственную драму, разыгравшуюся за этими стенами. Я думал, что Шерлок Холмс, не теряя ни одной минуты, бросится в дом и сразу начнет работать над разгадкой печальной истории, но я ошибся. К моему величайшему удивлению, его манера действовать была совершенно иная. С видом полнейшего равнодушия он начал прогуливаться взад и вперед по тротуару. Он передвигался маленькими шагами, бросая по временам рассеянные взгляды то на землю, то на дома на противоположной стороне улицы, то на решетку, окружающую дом № 33. Закончив этот странный осмотр, он медленно направился в аллею между палисадниками, стараясь ступать по траве, окаймлявшей дорожку, и внимательно устремив глаза вниз. Два раза он останавливался, и я видел на его лице улыбку, в то время как с его губ срывались легкие восклицания удовольствия. На влажной, мягкой земле дорожки виднелись многочисленные

следы; но, принимая во внимание, что множество полицейских проходило взад и вперед здесь, я не мог понять, какой толк мог выйти из такого внимательного разглядывания следов. Но, зная его способность замечать малейшие подробности, я был уверен, что он откроет массу интересных вещей там, где, по моему мнению, нечего было и открывать. У дверей дома мы увидели высокого человека с бледным лицом и светлыми волосами, который поспешил к нам навстречу. В руках он держал большую записную книжку.

— Как это мило с вашей стороны, что вы пришли, — сказал он, горячо пожимая руку моего товарища. — Я велел все оставить неприкосновенным и в том виде, как сам застал.

— За исключением этого, — сказал Холмс, указывая пальцем на аллею. — Если бы целое стадо буйволов прошло здесь, то, наверное, не произвело бы большего беспорядка. Но я надеюсь, Грегсон, что вы все хорошенько осмотрели еще прежде.

— У меня было слишком много дел внутри дома, — ответил он уклончиво, — но мой коллега, мистер Лестрэд, находится здесь. Именно ему-то я и поручил наблюдение надо всем, что происходит вокруг дома и в саду.

Холмс бросил на меня украдкой насмешливый взгляд.

— С такими помощниками, как вы и Лестрэд,

не думаю, что на мою долю остались хоть какие-то дела во всем этом происшествии, — сказал он любезно.

Грегсон от удовольствия начал потирать руки.

— Я думаю, — сказал он, — что мы сделали решительно все, что только было возможно. Но это очень любопытное дело; тем не менее, зная ваше пристрастие ко всему, что выходит за пределы обыкновенного, я...

— Вы, конечно, прибыли сюда не в экипаже? — перебил его Шерлок Холмс.

— Нет, сэр.

— А Лестрэд?

— И Лестрэд тоже.

— В таком случае пойдем, осмотрим комнату.

После этого замечания, казавшегося совершенно неуместным, он вошел дом. Грегсон следовал за ним с лицом, выражавшим полнейшее недоумение. Маленький коридорчик, пол которого был покрыт густым слоем пыли, вел в кухню и комнаты для прислуги. Налево и направо были две двери; одна из них, по-видимому, уже давным-давно не отворялась, другая вела в столовую, где и разыгралась кровавая драма. Холмс вошел в столовую; я последовал за ним, охваченный тяжелым чувством, которое мы всегда испытываем в присутствии смерти. Это была большая четырехугольная комната, казавшаяся еще

больше вследствие совершенного отсутствия мебели. Стены были обиты гладкими, самыми обыкновенными обоями. На стенах местами виднелись пятна от сырости. Кое-где обои совершенно отстали и висели большими полосами, открывая старые, плачевно выглядывавшие стены. Против двери, на камине, сделанном под белый мрамор, виднелся огарок восковой красной свечи. Стекла в окнах были до такой степени грязны, что, казалось, они как бы с сожалением пропускают немного сомнительного света в комнату. Вследствие этого в комнате стоял неприятный, серый полумрак, еще более усиливавшийся от толстого слоя пыли, лежавшей на всем.

Все это я вспомнил только уже некоторое время спустя. Тогда же все мое внимание целиком привлекло ужасное зрелище трупа. Он лежал перед нами вытянувшийся, застывший, с широко открытыми глазами, безжизненный взгляд которых был устремлен в потолок. Убитому казалось не более сорока лет на вид. Он был среднего роста и широк в плечах. Волосы у него были черные и курчавые, а борода редкая и коротко подстриженная. Одет он был в сюртук из толстого сукна и светлые брюки. Воротничок и манжеты блестели свежей белизной. Высокая, блестящая, как зеркало, совершенно новая шляпа валялась на полу рядом. Руки мертвеца были широко раскинуты, и

пальцы скорчены, как будто мучения, перенесенные в момент смерти, были невыносимы. Я читал на его неподвижном лице выражение такого ужаса и ненависти, каких мне еще никогда в жизни не приходилось видеть на человеческом лице. Весь вид несчастного, его низкий лоб, слегка сплюснутый нос, его широкие челюсти и более всего его скрюченные пальцы и ступни делали его ужасно похожим на гориллу.

Мне случалось видеть смерть в различных видах и формах, но никогда в таком ужасном виде, как здесь, в этой мрачной комнате, в двух шагах от главной артерии окраинного Лондона.

Лестрэд, стоящий возле двери, со свойственным ему видом ищейки поклонился нам.

— Это дело подымет шум, сэр, — сказал он. — Я занимаюсь своим ремеслом не со вчерашнего дня и немало видел, но это дело превосходит все, что я видел до сих пор.

— Ни малейших улик и следов! — сказал Грегсон.

— Ни малейших! — подтвердил Лестрэд.

Шерлок Холмс подошел к трупу и, став перед ним на колени, с величайшим вниманием принялся осматривать его.

— Вы уверены, что на теле нет никаких ран? — спросил он, указывая на многочисленные пятна и брызги крови, видневшиеся вокруг тела на

полу.

— Совершенно уверены! — в один голос воскликнули оба агента.

— В таком случае эта кровь принадлежит кому-то другому, по всей вероятности убийце, если только мы имеем дело с убийством. Это мне ужасно напоминает обстоятельства, связанные со смертью Ван Жансена из Утрехта в 1834 году. Помните это дело, Грегсон?

— Нет, сэр.

— Вы поступили бы очень разумно, если бы прочли его, уверяю вас: ничего нет нового под луной. Все, что случается, уже было раньше.

В то время, пока он говорил, его ловкие пальцы скользили по всем направлениям, ощупывая, пожимая, расстегивая, исследуя все, до мельчайших подробностей. Но в выражении его лица стало проглядываться безразличие и рассеянность, о которых я уже упоминал раньше. Осмотр трупа длился такое короткое время, что никто не поверил бы, что он был тщательным.

Затем Шерлок Холмс наклонился к губам мертвого и начал нюхать, вдыхать и в конце концов внимательнейшим образом осмотрел каблуки у башмаков убитого, по-видимому купленных в очень хорошем магазине.

— Никто не трогал труп? — спросил он.

— Никто, если не считать нас, поскольку это

было необходимо в ходе сделанного нами осмотра.

— Можете отослать его теперь в морг. Он ничего более не скажет нам.

Грегсон заранее побеспокоился и провел с собой четырех рабочих с носилками. На его зов они явились в комнату и подняли мертвое тело. В момент, когда они клали его на носилки, откуда-то выпало кольцо и покатилося по полу. Грегсон схватил его и начал рассматривать с величайшим изумлением.

— Здесь была женщина! — воскликнул он, показывая находку. — Это обручальное кольцо.

Мы окружили Грегсона и принялись разглядывать кольцо. Сомнений не было: оно когда-то было надето на палец новобрачной.

— Это еще более осложняет дело, — пробормотал Грегсон, — и одному только Богу известно, насколько оно уже было запутано до этого.

— Вы не уверены в том, что это обстоятельство, наоборот, упрощает дело? — заметил Холмс. — Но мы ничего не узнаем более, созерцая это колечко. Что вы нашли в карманах убитого?

— Здесь находится все, — указал Грегсон на кучку различных предметов, сложенную на одной из ступеней лестницы. — Золотые часы № 97163, купленные у Барро в Лондоне; золотая цепь,

известная под названием «Альберт», очень крепкая и тяжелая; золотое кольцо с выгравированным на нем масонским девизом; булавка в виде головы бульдога с рубиновыми глазами; портфель из русской кожи, в котором лежат визитные карточки с именем Эноха И. Дреббер, Кливленд. На белье имеются такие же инициалы Э. И. Д. Портмоне не оказалось, деньги лежали прямо в кармане; их было 75 шиллингов; маленькое карманное издание Боккаччо «Декамерон», на первой странице которого стоит имя Джозефа Стангерсона; два письма, одно на имя Э. И. Дреббера, другое — Д. Стангерсона.

— Адрес этих писем?

— Американский банк, Странд, до востребования. Оба письма имеют отношение к отплытию пароходов компании Гион из Ливерпуля. Очевидно, этот несчастный должен был отплыть в Америку, Нью-Йорк.

— Вы навели справки о Стангерсоне?

— Я с этого и начал, — ответил Грегсон, — я напечатал объявления во всех журналах и отправил одного из моих помощников в Американский банк. Но Стангерсон еще не вернулся.

— Телеграфировали вы в Кливленд?

— Еще утром.

— Как вы составили телеграмму?

— Я попросту изложил все обстоятельства

дела и просил дать мне необходимые сведения для его выяснения.

— Потребовали ли вы сведения относительно одного пункта, который мог показаться вам чрезвычайно важным?

— Я только наводил справки о Стангерсоне.

— И все тут? Не кажется ли вам, что в этом деле существует один стержень, на котором все держится? Может быть, вы найдете нужным послать другую телеграмму?

— Я сделал все, что было нужно, — ответил Грегсон обиженным тоном.

Шерлок Холмс пробормотал что-то сквозь зубы и уже готов был сделать какое-то замечание Грегсону, когда Лестрэд, находившийся в первой комнате, пока мы разговаривали в прихожей, вдруг появился перед нами, потирая с торжествующим видом руки.

— Мистер Грегсон, — сказал он, — я только что сделал открытие чрезвычайной важности. Открытие это могло легко ускользнуть от внимания всех, если бы мне не пришла счастливая идея осмотреть хорошенько стены.

Глаза маленького сыщика блистали, и он не мог скрыть удовольствия, что ему удалось сделать «подножку» своему товарищу.

— Идите сюда, — сказал он озабоченно, проходя обратно в большую комнату.